

УДК 81' 373

ПЕРСПЕКТИВЫ АВТОРСКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

Н.М. Шевченко

Статья посвящена исследованию авторской фразеологии и развитию авторской фразеографии.

Ключевые слова: авторская фразеология; авторская фразеография; языковая личность; трансформация языковых единиц.

PROSPECTS OF AUTHORIAL PHRASEOGRAPHY

N.M. Shevchenko

The article regards the research of author's phraseology and development of authorial phraseography.

Key words: authorial phraseology; authorial phraseography; linguistic personality; transformation of linguistic unit.

В настоящее время, когда достаточно детально и всесторонне описан корпус фразеологических единиц, выделенный с позиций как “узкого”, так и “широкого” подхода к определению объекта фразеологии, актуальной задачей становится изучение механизма порождения и функционирования фразеологизмов как специфических единиц языка. На сегодня накоплен большой опыт в изучении происхождения фразеологических единиц и бытования их в устной и письменной речи на протяжении нескольких столетий. В то же время процессы перехода метафоризованных словосочетаний из речи в язык все еще остаются недостаточно изученными.

В свое время В.В. Виноградов рекомендовал сосредоточить внимание исследователей на изучении языковых процессов, непрерывно порождающих уникальные языковые единицы, чудесным образом вмещающих в себе самые разнообразные свойства квазиноминативных единиц языка.

Несмотря на большой промежуток времени, многие вопросы авторской фразеологии не исследованы. Так, не всегда бывает ясно, какие лингвистические и экстралингвистические факторы влияют на постоянно идущий отбор речевых сверхсловных образований, дальнейшую их фразеологизацию и закрепление в структуре языка в качестве готовых воспроизводимых единиц. Нет однозначного ответа на другой вопрос, с какой интенсивностью обновляется фразеологический состав языка и каковы причины его большей стабильности в сравнении с лексикой. Знать язык – значит не просто знать его лексику и грамматику, но и уметь пользоваться громадным фразеологическим пластом, в котором отражена картина мира народа – его быт и история, суеверия и мифы, психический склад и характер, поведение и традиции.

Современные фразеологические словари фиксируют в среднем около двух тысяч фразеологизмов. Сколько из них находится в активном употреблении, неизвестно. Ничего определенного нельзя сказать и о количестве фразеологизмов, по разным причинам не зафиксированных словарями.

Для получения ответов на эти вопросы помогут исследования авторских фразеологизмов, употребленных креативными языковыми личностями, к числу которых с полным основанием следует отнести и М. Цветаеву.

А.М. Бабкин считает, что изучение авторского употребления ФЕ “представляет бесспорный теоретический интерес как для исследования процесса развития фразеологического запаса национального языка, изучения жизни отдельных фразеологизмов, так и для выявления стилистических возможностей литературного языка, а также роли мастеров языка и стиля в обогащении национального языка средствами выразительности”¹.

¹ Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А.М. Бабкин. – М.; Л.: Наука, 1964.

Фразеологизмы в произведениях мыслителей – неотъемлемая часть художественного текста. Это материал, сырье, делающее образ, создаваемый автором, ярче, насыщеннее, понятнее. Прозаический текст, будучи эстетически организованной системой, обладает способностью растворять в себе фразеологизмы. При этом всякое изменение формы и семантическое варьирование целенаправленно, подчинено решению определенных идейно-эстетических задач. Конкретные наблюдения над системой употребления фразеологизмов ведут к познанию особенностей стиля и языка писателя.

Весь комплекс семантических признаков фразеологизма в творчестве Цветаевой реализуется с наибольшей полнотой в прозаическом и эпистолярном текстах. Многие фразеологизмы преобразуются в контексте. Текст не только проявляет и направляет значение фразеологизмов и фиксирует его семантику, но и прогнозирует развитие семантики того или иного фразеологизма. Так, фразеологизм *приказать долго жить* имеет следующее значение, зафиксированное словарями – *умереть и прекратить существование*. М. Цветаева употребляет этот фразеологизм дважды, но совершенно в разных значениях:

“Не забыла, но в последнюю минуту, вчера, отказалась служить – приказала долго жить – резиновая подметка, т. е. просто отвалилась, а так как сапоги были единственные... Очень, очень огорчена. Знайте, что никогда не обманываю и не подвожу”;

“Человек **приказал долго жить**. Удивительное чутье народа. Значит, умирая, человек понял, что жить, несмотря на все – прекрасно – и властью – как умирающий – именно **приказал** оставшимся – **долго жить**”.

В первом примере значение фразеологизма приобретает новое оттеночное значение – прийти в негодность. Во втором – Цветаева пытается выяснить кодовую расшифровку фразеологизма.

Часть фразеологизмов в текстах М. Цветаевой являются книжными различного происхождения (библейского, мифологического, фольклорного), но зафиксированы единичные случаи, когда в авторском контексте не нарушены границы семантики этих фразеологизмов:

“Вы настоящего от подделки не отличаете, верней – подделки от настоящего, оттого и настоящего от подделки. У Вас нет чутья на жизнь, живое, рожденное. Нет чутья на самое простое. Вы всё ищете – как это сделано. **А ларчик просто открывался** – рождением”;

“Но мимо этажерки я не только проходила, я у неё подолгу стояла. Этажерка была та же библиотека <...> Настолько ума у меня было, чтобы сознавать, что здесь, в этих коричневых, вожаденно-толстенных и громадных тетрадных томах – всё “жемчужны струи” и моря материнской игры. Но не слышу – глухо! Видит око – да зуб неймёт!”.

В большинстве же случаев семантические границы фразеологизма изменяются:

“Спасибо за всё. За все сады! Это и есть – **висячие сады Семирамиды!** Пишите стихи!”;

“В тот же вечер мать принялась за бисерные сумочки, этим живут. Вот и будет **метать бисер и слезы...**”.

Несколько трансформируя фразеологизм, Марина Цветаева может создать целый ряд художественно-стилистических эффектов. Дело в том, что трансформация может быть сугубо индивидуально-авторской и узуальной. Вариант можно считать узуальным, если он встречается по меньшей мере у двух разных авторов. Вместе с тем нет жестких границ между узуальными и индивидуальными вариантами. При работе над словарем мы фиксировали только авторские варианты, отсутствующие в существующих фразеологических словарях, что позволило назвать их индивидуально-авторскими, или трансформами узуальных, общезыковых фразеологизмов:

“Самое, для меня, тяжелое: нельзя ходить. Муру нельзя ходить, – значит и мне нельзя. А – какие горы! И горный городок <...> Дразнит – пуще чем лисицу – виноград. **Ногой подать!**”;

“За прочность в мире тоже не стою. Где **прочно – там и рвется**”;

“Иносказание (Пастернак). Прямосказание, причем, если не понял, повторит и будет повторять до бесчувствия, пока не добьется. **(Из сил никогда не выбьется!)**”;

“Эренбург не ответил и дружба кончилась: кончилась и с Геликоном, который после моего отъезда вел себя со мной, как хам <...> Так, **не гонясь ни за одним, потеряла обоих**”;

“Ножом не разрежешь, топором не разрубишь. Лицо мертвого не слепок, слиток. Все **концы с концами сошлись**. Средоточие. Раз навсегда”;

“В Германии это в порядке вещей, в Германии я вся в порядке вещей, **белая ворона среди белых**”;

“Рильке не пишу. Слишком большое терзание. Бесплодное. Меня сбивает с толку – **выбивает из стихов** <...> Мне – больно. Я не меньше его (в будущем), но – я моложе его. На много жизней”;

“Что ещё (сказать?) Радуюсь, что поправляетесь, **лето зимы мудренее**, время идет и пройдет. Вижу уже по почерку, я его отлично разбираю. Хотя есть какая-то перемена”;

“Гроб: точка стечения всех человеческих одиночеств, одиночество последнее и крайнее. Из всех часов – час, когда надо любить вблизи. **Именно над душой стоят**”;

“**Бисер перед свиньями...** – шепчет милая человеческая поэтесса Ада Чумаченко, тамошняя служащая, – я и то расстраиваюсь, когда он передо мной начинает... Стыдно... Точно – разбрасывает, а я подбираю”.

В ее текстах наблюдаются различные типы авторской трансформации фразеологизмов. Лексический тип трансформации является самым распространенным и излюбленным приемом в творчестве М. Цветаевой, который направлен на конкретизацию внутренней формы ФЕ (прием вклинивания дополнительных компонентов в структуру ФЕ; лексическая замена компонента; усечение компонента из общей структуры фразеологизма). Используя эти приемы, М. Цветаева пытается уточнить заложенный во фразеологизм образ, придать ему яркость той среды, которую она описывает:

“Бессмысленно **ждать** “у моря **погоды**” – не у моря, а у **станции метро**”;

“**Не в коня эмиграции мой корм!**”.

Стремление Цветаевой оживить образ побуждает ее к различным видам лексических преобразований, но семантика фразеологизма при этом не изменяется:

“Это мой давнишний вопль, **воплъ вопиющего**, не в пустыне, а **на базаре**”.

Эффективным, отработанным приемом трансформации в творчестве М. Цветаевой является лексико-семантический, когда по определенной фразеомодели создается совершенно новая ФЕ:

“Каждый урод есть часть самого себя; Все мы волки дремучего леса Вечности”;

“Когда двое говорят, а третий слушает – нелепость”;

“Лучше потерять человека всем собой, чем удержать его какой-то своей сотой”.

Часто в текстах М. Цветаевой наблюдается семантическая трансформация, когда сохраняется лексический состав, но ФЕ за счет контекста употребляется в новом значении:

“Гроб: точка стечения всех человеческих одиночеств, одиночество последнее и крайнее. Из всех часов – час, когда надо любить вблизи. **Именно над душой стоять**”;

“Брюсов один ей – **бровь в бровь**, ровь и в ровь”;

“Знаю, что будет час Вашей жизни (когда Вам нечем будет дышать, как зверю, задыхающемуся в собственной шкуре), – когда, презрев все мужские дружбы, женские любви, семейные святости, – Вы придете ко мне – за своей **бессмертной душой**”;

“Раздует себе ночью самоварчик, оденет очки роговые, книжицу свою разворотит – и ну листами **бури-ветры подымать!**”;

“По-русски трудно мыслить. – По-русски (по-всячески) ЧУДНО мыслить. **Были бы косточки, а мясо вырастет**”.

Любое семантическое преобразование становится началом рождения нового образа и значения ФЕ в творчестве М. Цветаевой:

“Поэт ли Брюсов после всего сказанного? Да, но не Божьей милостью. Стихотворец, творец стихов, и, что гораздо важнее, творец творца в себе. Не евангельский человек, **не зарывший своего таланта в землю**, – человек волей своей, **из земли его вынувший. Нечто создавший из ничего**”.

В данном случае расширяются рамки фразеологической единицы и создается новый образ, в основе которого лежит антитеза, выполняющая не только оценочную, но и интригующую функцию в тексте.

На обширном иллюстративном материале мы проследили функционирование фразеологизмов в прозаических текстах, выявили основные способы фразеологической трансформации, но остается большой массив выделенных единиц, которые не отмечены существующими словарями:

“Книга, которая благодаря Вам вошла в мою жизнь, не случайность. Когда я прочла на обложке его имя, то почувствовала, будто **в мою голову вцепились чьи-то когти**”;

“Скажу больше – альпинисту смерть в горах суждена. Альпинисту же – поэту – суждена вдвойне. (Как вдвойне была суждена смерть в море пловцу-поэту Шелли). <...> Такими вещами не играют. **Все играют всеми вещами, только поэты не играют – словами**”;

“Само понятие общежитие уже искажение понятия жизнь: человек задуман один. Где двое – **там ложь**”;

“И я долго-долго чувствовала ее возле себя, почти что в досягаемости моей руки, ... это опрокинуло бы все ведомые нам законы: от равного страха: **встретить пустоту – и встретить руку**”;

“Очень одарен, но ничего от Wunderkind’a, никакого уродства, просто – **высокая норма**”;

“Там где может быть другая (другая, чем голая душа: я) – меня не было”;

“Да Вашу **душу вызвать** легко: ее никогда нет дома”;

“Можно просить Богоматерь о ребенке от любовника, можно просить Богоматерь о ребенке от старика – о греховном, о чуде – но не просят о безумном. Соединение, из которого ребенок заведомо исключен. Состояние, когда ребенок невозможен. Немыслим. Всё, кроме ребенка. Как на том обеде великого Короля с дворянином: всё, кроме хлеба. **Великого женского хлеба насущного**”;

“Если бы можно было запустить руку в душу – как в море. – Вы вынули бы свою руку. Полную Вами”;

“Какая ж свобода слова, если ты и **икнуть по-своему не смеешь!**”;

“Вся статуя в себя включена. Она из себя не выйдет. Потому-то она и статуя. Для того-то она и статуя.

Лишь в чувстве меры мастерство приятно”;

“Окликаю Вас на перегибе вашей и нашей Пасхи, в лучший час дерева, уже не зимы, еще не лета. Ранней весной самый четкий ствол и самый легкий лист. **Лето берет количеством**”;

“Всё поэту во благо, даже однообразие (монастырь), всё кроме перегруженности бытом, **забивающим голову и душу**. Быт мне **мозги отшиб!**”;

“Какова – нормально – (**на не-норму нормы нет!**) погода в августе и в сентябре? Стоит ли вообще ехать?”;

“Иметь все сказать – и не раскрыть уст, иметь все дать – и **не раскрыть ладони**”;

“Жду Ваших стихов. Люблю – и чту! – их все больше и больше. Оцените чуждость Вашего – мне – дарования и выведите отсюда самое лестное для себя заключение. Как и я – для себя! Ибо – немудрено – мне – любить Блока и Ахматову!”;

“Поэтому, несмотря на всю успешность поездки, вернулась с чувством неудачи: с **пустыми руками души**”.

Необходимо отметить тот факт, что в прозаических текстах М. Цветаевой наличествуют авторские фразеологизмы, проявляющие многозначность:

“И – внезапное прозрение – по-настоящему, до дна души исповедоваться – во всем тебе во мне (для ясности: во всем “грехе” твоего присутствия во мне) – во всей мне – я бы могла – только тебе!”;

“Я забыла карманы (воплъ отчаяния: кар-маны забы-ыла!!) – большие, накладные глубокие – **до дна души**”.

Для того, чтобы индивидуально-авторскую фразеологию возможно было воспроизводить в речи, с ней необходимо познакомиться, рассмотреть ее особенности в контексте, оценить возможности ее образности и возможности варьирования. Именно эту дидактическую функцию и преследует словарь авторских фразеологизмов, в котором отмечены все элементы фразеологического творчества М. Цветаевой.¹ В словаре описано более 800 фразеологических единиц, восполняющих существующую лакуну в разделе языкознания. Исследование и описание авторской фразеологии призвано помочь решить следующие задачи:

- дать представление о востребованности конкретной языковой личностью определенного фразеологического материала, который характеризует языковую личность как члена социума и как творческую индивидуальность;
- выявить основные виды и границы индивидуально-авторского варьирования фразеологических единиц;
- определить источники происхождения фразеологизмов, употребленных М. Цветаевой, их функционально-стилистические функции и соответствие употребления фразеологической единицы речевым стандартам;
- исследовать процесс метафоризации словосочетаний, изначально выполняющих номинативную функцию, и проследить превращение индивидуальных фразеобразований в узуальные и впоследствии в нормативные.

¹ Шевченко Н.М. Фразеологический словарь М. Цветаевой / Н.М. Шевченко. – Бишкек: Эстет-центр, 2011.